

ТРЕТИЙ РИМ

Среди 800 “ответственных квартиросъемщиков” высотного дома на Котельнической набережной светили две звезды первой величины. Одна — на всю страну, другая — на весь мир. То были Фаина Раневская и Галина Уланова.

Где рождаются гении? В самом неожиданном месте и не обязательно в бедности. В доме миллионера Григория Фельдмана выросла дочь Фаина, отказавшаяся от фамилии отца и его отчества. На Пасху семья ходила в церковь. Летом ездила в Швейцарию. Дочь внимала Максиму Горькому, призывавшему бурю, верила, как герои Чехова, что наступит новая красивая жизнь. А в старости часто вспоминала, “как рано утром в спальню к ней вошла горничная, вся в крахмале, и говорила: “Барышня, чай по-дан”. В родном доме, с гувернанткой и бонной, ей было душно. Когда на собствен-

Жизнь “над хлебом и зрелищем”

ФАИНА И ГАЛИНА

ном корабле “Святой Николай” отец с семьей, чтобы не погибнуть, уплыл из революционной России, она осталась на берегу. Но когда “увидела лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности”.

Ордер в двухкомнатную квартиру с окнами во двор в высотном доме получила в числе первых новоселов. Въехала сюда дважды лауреатом Сталинской премии. Со стороны казалось — квартиру лучше не придумаешь. Но она жаловалась: “Живу в грязном дворе, грохот от ящиков, грязь”. По утрам в булочной под окнами грузчики разгружали хлеб в деревянных лотках. На первом этаже открылся кинотеатр “Иллюзион”, что дало Раневской повод сослаться: “Живу над хлебом и зрелищем”.

В ее подъезде поселился “отец” “Василия Теркина” Александр Твардовский. Встречаясь у лифта, почтительно кланялся: “Здравствуйте, моя великая соседка”. Другой сосед, Никита Богословский, здоровался иначе: “Привет, старуха!”, что вызывало у Твардовского ярость и желание избить шутика. Старух играла с 22 лет. Раневская читла Твардовского за аристократизм. Он, когда шел к “великой соседке” в гости, надевал новый костюм, чем смешил жену. Однажды ранним утром Твардовский попросил открыть ему дверь. Она его накормила завтраком, который навел его на мысль: “Почему у друзей все вкуснее, чем дома?”. Увидев на стене портрет Ахматовой, будучи абсолютно трезвым, изрек: “Вот наследница Ахматовой”.

В квартире Фаины собирали в дальнюю дорогу Анну Ахматову, которой не в чем было ехать за премией в Италию. Дали ей подружки сумку, кофту и платок. К Раневской приходил Владимир Высоцкий, чем она гордилась: “Он был у меня. Он — личность”.

Из высотного дома через двадцать лет Раневская с радостью перебралась в новый дом в Большом Палашевском переулке, где теперь установлена ее мемориальная доска. А первую в Москве “комнатушку” получила она еще до войны, в Старопименовском переулке. После эвакуации вернулась в переулок. Окно упиралось в стену соседнего дома — днем комната освещалась лампочкой. Гостям говорила: “Живу как Диоген. Днем с огнем”. Без телефона.

К тому времени Раневская сроднилась с Москвой, куда приехала неприкаянной провинциальной девицей, грезившей о сцене.

На Петровке у колонн Большого театра мерзла, чтобы увидеть Екатерину Гельцер. Отзывчивая на чужое горе великая актриса устроила провинциалку в летний дачный театр в Малаховке. Раневская много лет выступала в провинции, наезжая в Москву, чтобы получить ангажемент. В один из таких приездов, в Столешниковом переулке, разглядывая витрины, услышала голос Василия Качалова. От счастья упала в обморок и ушиблась. В самого известного актера Художественного театра заочно влюбилась, собирала его открытки, писала кому-то безответные письма. Качалов с того дня привязался к Фаине, ввел в свой круг.

В Леонтьевском переулке увидела однажды проезжавшего в пролетке Станиславского, чья игра, а не постановки, сводила ее с ума. Погналась за ним с криком: “Мальчик, мальчик мой дорогой!”. Гений театра расхохотался. Не каждому актеру удавалось так развеселить режиссера, не устававшего повторять на репетициях: “Не верю!”.

В Москве у Фаины зародилась “первая любовь”. Но, по ее словам, “в общем и целом, это мероприятие мне крайне не понравилось”. После войны случайно встретилась с тем, кто казался ей “прелестью”, и увидела шамкающего старика со вставной челюстью.

Раневская любила ходить по Тверскому бульвару, где гулял Пушкин. На ночь читала обожаемого Пушкина, разговаривала с ним, как Маяковский с Лениным. Засыпала — и ей снился Пушкин: “Он идет с тростью по Тверскому бульвару. Я бегу к нему, кричу. Он остановился, посмотрел, поклонился и сказал: “Оставь меня, старая б... Как ты надоела мне со своей любовью”.

На Тверском бульваре, 23, где сейчас Театр имени Пушкина, играла в Камерном театре у великого Таирова. На той сцене прославилась. И ушла в другой театр. Надолго задержалась в театре у Юрия Завадского, от кого уходила и к кому возвращалась. “Я не терплю мессы в борделе”, — высказалась она по поводу выступления главного режиссера перед труппой. — Знаете, что снится Завадскому? Что он умер и похоронен в Кремлевской стене!”

Как все театральные актеры в XX веке,

пыталась сняться в кино, но из студии ей вернули присланные на пробу фотографии и просили больше не беспокоить. Вскоре после спектакля к ней подошел начинающий режиссер Михаил Ромм. Она бросилась ему на шею, услышав приглашение сняться. Сыграла в “Пышке” эпизод и главную роль в “Мечте”, которая шла с триумфом во многих странах мира.

Президент Рузвельт назвал Раневскую актрисой века.

Драйзер после показа “Мечты” в Белом доме вышел из запоя.

Чарли Чаплин снял котелок.

Сталин сравнил ее с Чарли Чаплином.

Шостакович восхищался талантом.

Вера Марецкая назвала “глыбой”.

Головокружительная слава пришла после “Подкидыша” в 1940 году. Там прозвучала придуманная ею фраза: “Муля, не нервируй меня!”. Кто видел картину, запомнил эти слова навсегда. Их повторяли уборщицы и наркомы. Полетели на крыльях другие придуманные Раневской слова: “Я никогда не была красива, но всегда была чертовски хороша”. В театр, где играла зачастую маленькие роли, ходили на Раневскую. Сыгранные в кино эпизоды все помнят, забыв главных действующих лиц.

Леонид Брежнев, вручая Фаине Георгиевну орден в Кремле, произнес: “Муля, не нервируй меня”, за что народная артистка СССР его храбро отчитала: “Леонид Ильич, так ко мне обращаются хулиганы и домработницы”.

— Простите, но я вас очень люблю, — ответил обескураженный Генеральный секретарь и глава государства.

Его портрет висел над кроватью актрисы, что удивляло гостей, думавших, что это очередной прикол неистощимой на выдумки Фаины Георгиевны. Но она вполне серьезно говорила: “Он добрый. Вам будет хуже, когда он умрет”.

Ее лечили в лучших клиниках Москвы. Что не мешало сослаться: “Кремлевская больница — кошмар со всеми удобствами”.

Раневская на год пережила Брежнева. Пророчество ее для многих сбылось.

Гением при жизни называли другую обитательницу высотного дома, Галину Сергеевну Уланову. В Москву она переехала из Ленинграда знаменитой балериной. Там ее до войны увидел Клим Ворошилов, “луганский слесарь, боевой нарком”. Танец Улановой вождя Красной Армии взволновал — он захотел показать балет с ее участием другу Сталину. Что и произошло летом 1935 года. Мариинский театр, получивший после убийства хозяина Смольного Кирова его имя, выступил с колоссальным успехом в Большом театре. Сталин увидел Уланову в роли Дианы. По ходу действия героиня целилась из лука в сторону боковой ложи, где сидел вождь. Уланова испугалась. Но все обошлось — Сталин пригласил труппу на прием в Кремль. А после банкета предложил 25-летней Галине пройти в кинозал, где гостя оказалась рядом с небожителем Кремля.

Ее спрашивали, не было ли ей страшно.

— Да нет, просто неловко чувствовала себя рядом — это же такая величина была. А страшно стало после его смерти, когда мы узнали, что делалось в те годы.

Сталин дал оценку балерине в трех словах:

— Уланова — это классика.

Классику, как известно, вождь ставил превыше всего в искусстве. Четыре раза присуждал Галине Сергеевне Ста-

линскую премию. Жизнь Улановой делится на два периода: ленинградский, 34 года, и московский, 50 лет с лишним. В Питере родилась в семье танцоров, в семнадцать лет вышла замуж за учителя игры на фортепиано Исаака Милейковского, преподававшего в хореографическом училище. Ни в церковь, ни в загс по моде тех лет молодые не пошли — и вскоре разошлись.

Уланова танцевала Комсомолку в балете Шостаковича “Золотой век”. В комсомол и партию не вступала. Носила заслуженный за меткую стрельбу значок “Ворошиловского стрелка”, ездила на трамвае, ходила на занятия по ПВО. В толпе ничем не выделялась — ни лицом, ни длинными ногами. На сцене превращалась в богиню. Для Улановой Сергей Прокофьев написал “Ромео и Джульетту”. Для ее театра сочинили балеты “Красный мак”, “Пламя Парижа”, “Утраченные иллюзии” — на сюжеты, не похожие на те, которые вдохновляли Чайковского...

Подруга чистых дум и юношеских лет, Ведь наша дружба родилась за партой. Пройдут века, а ты оставишь след, Как музыка бессмертного Моцарта.

Это стихи не поклонницы, а прекрасной балерины Татьяны Вечесловой, увидевшей в танце подруги гениальность, свойственную Моцарту. В русском искусстве Уланову ставят рядом с Шаляпиным и Станиславским.

Спустя десять лет после первого замужества Галина познакомилась с Юрием Завадским, который был старше ее на шестнадцать лет. Сверстники со времен училища ее не интересовали. Этот известный актер и режиссер в молодости считался самым привлекательным мужчиной Москвы. “Отец красив до умопомрачения” — писал о нем с сарказмом сын от брака с Верой Марецкой.

Завадского страстно любила Марина Цветаева, назвавшая его “памятнейшим из всех”. О нем вспоминала так:

...Рот как мед, в очах доверье, Но уже взлетает бровь, Не любовь, а лицемерье, Лицедейство — не любовь.

С “лицедеем” Уланова пошла в загс. “Я официально ни за кем замужем не была. Были отношения, но единственная была запись — с Юрием Александровичем”. Завадский любил Галину Сергеевну до последнего вздоха.

Жили они во время войны подолгу в разных городах. И всегда — на разных квартирах. В суровом советском суде их могли бы развести без особых проблем, так как детей у них не было, “совместного хозяйства” они не вели. Муж обитал с мамой на улице Горького. К жене приходил в гости. Судя по всему, развод и не состоялся, чтобы не попасть в газеты, где по закону военных лет о каждом предстоящем разрыве семейных уз полагалось дать платное объявление.

Переезд Улановой в Москву был предопределен политикой партии в области искусства. Лучшим режиссерам, певцам и балеринам полагалось служить на сцене Большого театра. Его посещения входило в протокол визитов на высшем уровне.

Очередь Улановой настала в конце войны. “Я коренная петербуржка и Петербург знаю прекрасно. И никогда бы в Москву не переехала, да так власти распорядились, чуть ли не решение ЦК было по этому вопросу”. Пришлось перевозить мебель родителей и машины подушечки, “думочки”. Москва не произвела впечатления. Москва-река вызвала усмешку: “Боже, это что, Крюков канал?”.

Уланову называли “великой немой”. Но без ее слов вся театральная Москва знала об ее романах. Иван Николаевич Берсенева родился раньше ее на 21 год, что, как и в предыдущем союзе с Завадским, не играло особой роли. С Берсеневым жила душа в душу на Новослободской улице до смерти режиссера, основателя Театра имени Ленинского комсомола — “Ленкома”.

Одинокую Уланову вручили ключи от трехкомнатной квартиры в новом доме на Котельнической набережной в 1952 году. К тому времени она прославилась на весь мир. Ей рукоплескали Вена, Париж, Рим, Лондон, она покорила Америку...

В конце карьеры балерины сблизилась с Вадимом Рындиным, главным художником Большого театра. В отличие от Завадского и Берсенева этот народный артист СССР красавцем не был, но, как пишут, “недостаток волос его ничуть не портит”.

За долгую жизнь Уланова похоронила многих родных и близких, но никогда так не страдала, как когда умерла Татьяна Агафонова. “Почти год кружилась голова, падала. Это все Татьяна смерть”. Кто такая Татьяна?

Ее знали все профессиональные журналисты Москвы, те, кто читал “Комсомольскую правду” в 60—70-е годы. Она была звездой самой популярной тогда газеты, где героизмовала не “дрянная девчонка”, а Татьяна Агафонова. Мне она казалась похожей на Ларису Рейснер, лихую и яркую советскую журналистку, послужившую прототипом Комиссара в “Оптимистической трагедии”. Мы с Агафоновой провели вечер памяти Ларисы. А потом состоялся персональный вечер Тани в Центральном доме журналиста. Ей было о чем рассказать. По следам жен декабристов она отправлялась в Сибирь, искала таинственную Мангазею. Говорили об Агафоновой полярники, летчики, моряки, с кем она бывала в дальних перелетах и походах. Вдруг в переполненный зал вошла в мантию Уланова. И неожиданно для меня, ведущего, попросила слово. Что сказала тогда — не помню.

Помню, вскоре угасла звезда Агафоновой в газете. На телевидении вышел ее фильм “Мир Улановой”. И с ТВ она ушла в этот необъятный мир, пораженная гениальностью и хрупкостью Галины Сергеевны. Агафонова совершила свой главный подвиг: поставила крест на карьере и бросила ее к ногам подруги. Самые лучшие прижизненные публикации о ней сделала Агафонова. Но их очень мало за двадцать с лишним лет дружбы и верной службы, которую в наши дни называют “связями с общественностью”. Брала интервью подруги Агафоновой, журналисты, которых она ввела в дом. Чтобы быть ближе к Улановой, Таня свою квартиру и квартиру мамы поменяла на одну — в высотном доме. А когда мама умерла, произвела второй обмен, в результате чего она и Галина Сергеевна перебрались в четырехкомнатную квартиру.

Из нее Татьяна ушла в больницу с диагнозом “рак” — и не вернулась. “Она была мне помощницей, другом, дочкой”, — призналась Галина Сергеевна, похоронив Таню. — Я как будто ребенка потеряла. Но мне еще в юности родители сказали: “Галя, ты ни в коем случае никогда не должна иметь детей. Лишняя сценка, либо дети”.

...Опустевшая квартира Улановой и Агафоновой будет музеем. Большой театр от музея отказался. Ему не до Галины Сергеевны. Мемориальной доски на доме нет, а кому, как не ей, выражать самые почетные знаки внимания...

Лев КОЛОДНЫЙ.